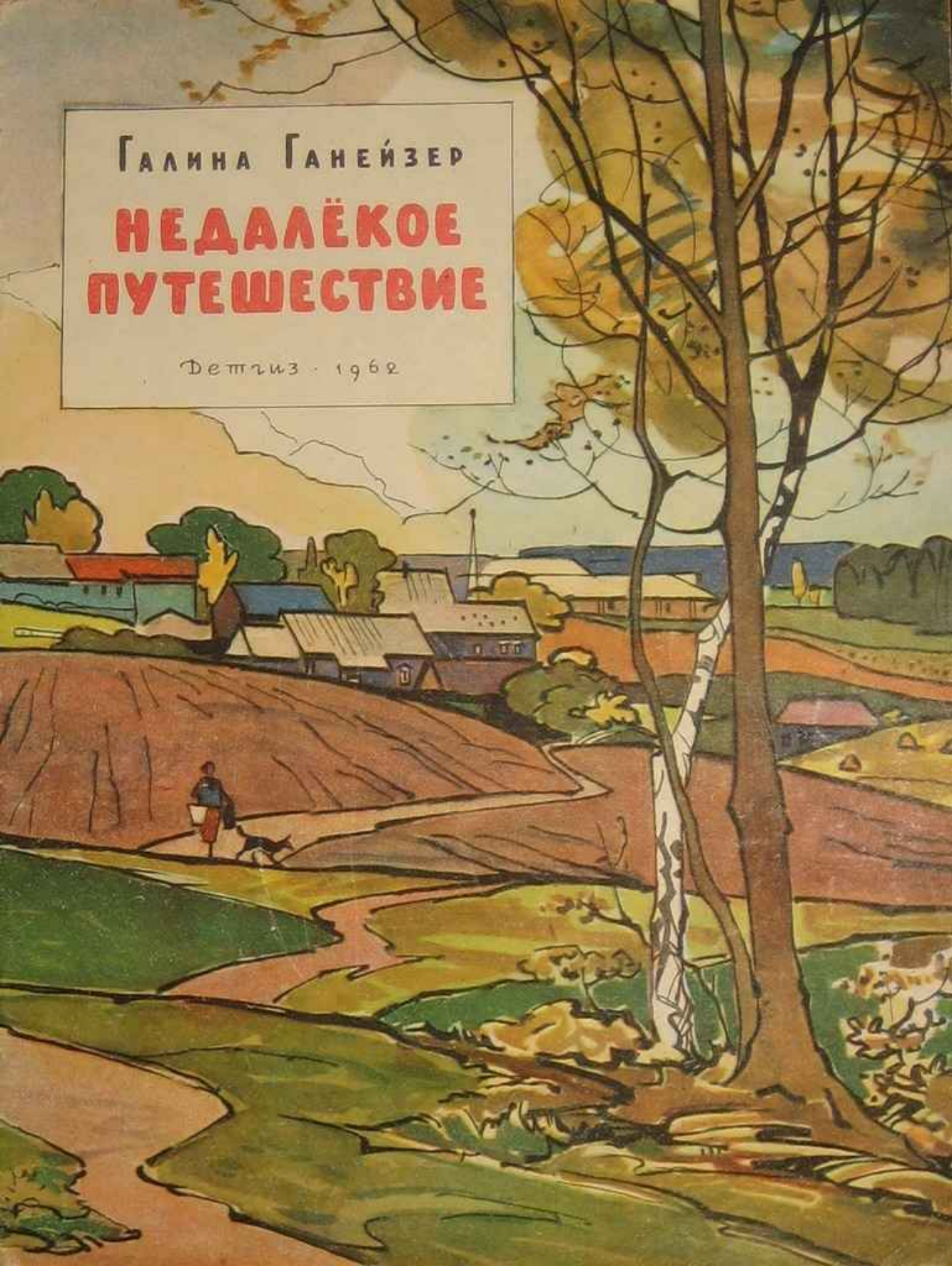

ГАЛИНА ГАНЕЙЗЕР

НЕДАЛЁКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Детгиз · 1962

ГАЛИНА ГАНИЕЗЕР

НЕДАЛЁКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Рисунки
В. А. Дзеевского

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1962

Лето кончилось. В опустевшем доме мы остались втроём: Нама, огромная, чёрная с серым овчарна, маленькая черепашина Сенька и я.

Стоят тихие осенние дни. Уже опадают листья с невысокого тополя в саду. Доцветают белые астры, огненные настурции и скромная, почти незаметная резеда. Красными угольками светятся кисти рябины.

Темнеет рано. Уже в восьмом часу ярко и холодно блестит луна и по чёрному небу рассыпаются крупные звёзды.

Вечерами в доме особенно тихо. Нама спит, свернувшись в своём уголке, и Сенька заснул, спрятав под щиток и голову и лапы. Только в печке потрескивают дрова и часы на стенке отстукивают время: тик-так...

В такие вечера я люблю вспоминать свои недавние летние прогулки. Каждая из них была хоть и недалёким, но настоящим путешествием: так много интересного попадалось мне по дороге.

Ное о чём мне захотелось написать.

НА ПРОГУЛКУ

Мы с Намой по утрам уходили гулять, оставляя Сеньку хозяйничать.

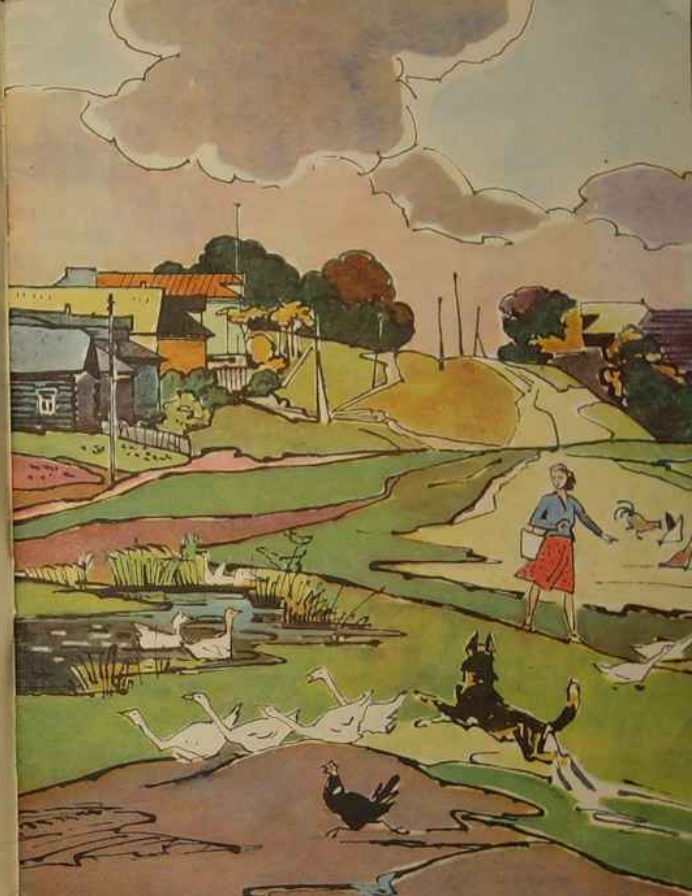
Сенька с хрустом поедал влажные листья салата, а потом часами пытался выбраться из коробки от торта, служившей ему жильём. Он опирался передними лапами о стенку и старался подтянуться к верхнему краю коробки.

Но его попытки всегда оканчивались одинаково: Сенька падал на спину и долго лежал, отдыхая. Потом он принимался двигать лапами, головой и в конце концов переворачивался набок. Тут он опять отдыхал, а затем переворачивался на живот. И всё начиналось сначала.

А мы шли к реке или в лес. Я брала жестяное ведро для лесных находок, а Нама выдёргивала из кучи дров полено, выбирая потолще и подлиннее.

Правда, её всегда можно было усовестить. Она бросала полено, но зато стремглав врывалась в стайки гусей и кур и убегала, оставляя их в полном смятении...

Мы отходили далеко, поднимаясь по тропинке среди полей, а до нас все ещё доносились голоса потревоженных птиц.

НА РЕКЕ

Для того чтобы попасть в лес, нужно перейти небольшую речку. Обычно я проходила по упавшему дереву, а Нама шлёпала прямо по воде, разбрызгивая её лапами и захватывая в пасть плывущие ветки.

Най-то, сивозь прозрачную воду, на песчаном дне речки я увидела неглубокие, узкие бороздки. Как будто кто-то чертил пальцем по песку. У конца каждой бороздки торчком стояла чёрная раковина — беззубка. Одна из раковин медленно передвигалась по дну реки. Беззубка приоткрыла створки и высунула наружу небольшой отросток своего мягкого тела. Этот отросток заменяет беззубке ноги. Высунет она его, упрётся в песок, как будто ногой, а потом подтянется. Так и ползёт потихонечку. Нога у беззубки на переднем конце раковины, а рот — на заднем. Беззубка хвёт речную воду, и вместе с водой к ней в рот попадают крохот-

ные живые существа; ими беззубка кормится.

Поддев раковину палкой, я выбросила её на берег. Нога исчезла. Створки плотно сомкнулись, и раскрыть их мне не удалось. Свой домик беззубка держит на надёжном замке и непрошенных гостей в него не пускает!

На зелёно-чёрных створках раковины были хорошо заметны выпуклые тёмные полоски. Я насчитала восемь полос. Это значит, что раковине было восемь лет.

Раковина лежала на руке совсем неподвижно.

— Ну, ступай себе, — сказала я и бросила её в воду.

На песке было много таких же, но только пустых, раскрытых раковин. Снаружи они были чёрными и совсем некрасивыми. Я повернула одну раковину: внутри она была гладкая, блестящая, а на солнце переливалась разными цветами.

В МУРАВЬИНОМ ЛЕСУ

Один уголок леса у нас называется муравьиным. Если в нём хоть на минутку остановишься — сразу же по ногам поползут десятки муравьёв. Нама не любит муравьиный лес и, подойдя к нему, всегда задумается и повернёт голову, как бы спрашивая: «И что тебе за охота сюда ходить?»

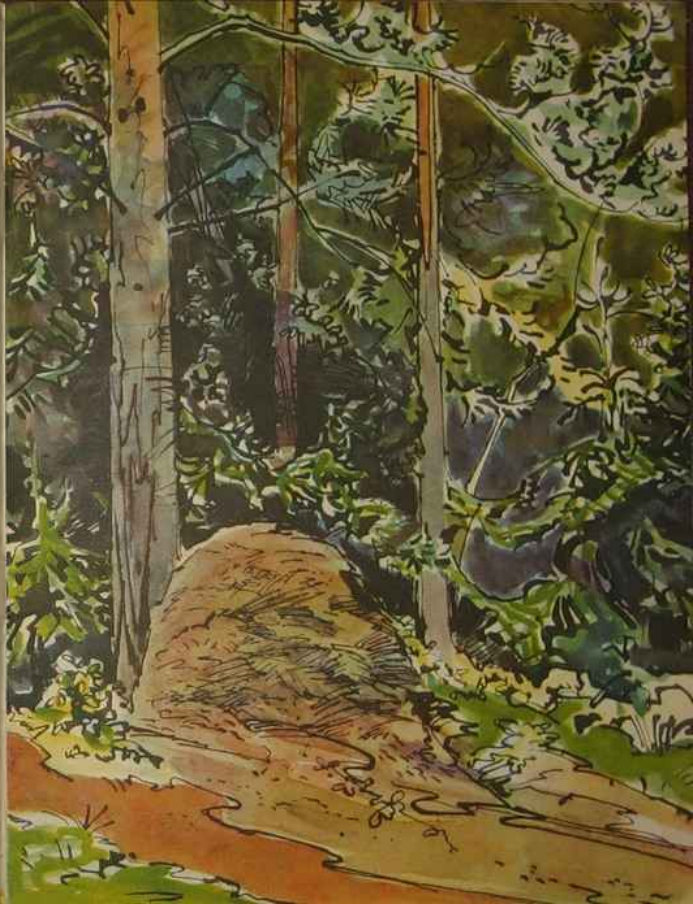
Земля в муравьином лесу исчерчена гладкими утоптаннкими тропинками — муравьиными дорогами. На них ни одной травиночки не растёт.

По дорогам с раннего утра и до позднего вечера бегут муравьи: в одну сторону — с ношей, в другую — поронячком. Муравьи с ношей спешат к себе домой, в муравейник, а встречные — за добычей.

Муравейники в лесу большие, чуть ли не в рост человека, но их высокие купола — только часть муравьиного дома. Муравейник продолжается и под землёй. Под его куполом скрыты подземные комнаты и извилистые коридоры. В самых дальних комнатах спрятаны белые мягкие куколки, из которых выводятся муравьи. Их часто называют муравьиными яйцами.

Нелегко крохотным муравьишкам строить такие огромные дома, но ведь их очень много. В одном муравейнике живёт больше муравьёв, чем людей на целой улице! И все муравьи помогают друг другу.

Я нагнулась к муравейнику и вижу: бегают муравьишки во все стороны. Одни несут куда-то вверх еловые иголки, другие — кусочки коры, чуть подалеже несколько муравьёв суетятся вокруг берёзовой палочки... Это муравьи-строители. Они строят, чинят, подносят материал. А возле каждого входа

в муравейник стоят сторожа. Они всех приходящих муравьёв, прежде чем вступить, касаются усиками — ощупывают. Свой — проходи, а чужой — поскорее обратно поворачивай!

У опушки муравьиного леса растёт несколько молодых берёзон. К одной из них от муравейника ведёт широкая муравьиная дорога. По ней спешат муравьи. Они добегают до берёзы и взбираются по стволу вверх. Я заметила, что нверху поднимаются худые, тощие муравьи, а вниз спускаются толстые... В чём же тут дело? Что происходит с муравьями на берёзе? А вот что.

На тонких веточках, среди густой листвы поселились крохотные насекомые — зелёные тли. Они сидят неподвижно и малюсенькими хоботками тянут и тянут из листьев сок. Этим они приносят вред деревьям.

А муравьи? Муравьи подбегают к тлям и усиками касаются их брюшка. Тля сейчас же выпускает капельку сладкого сока, а муравей с удовольствием выпивает его.

Он наполняет соком свой зобик и торопливо бежит домой. Этим соком он покормит муравья — рабочего или сторожа, который не может уйти со своего поста. Покормит товарища муравей и опять бежит на берёзу. Так и снуют муравьи между своим домом и берёзой.

Вдруг на веточку, густо обсыпанную тлями, опустилась божья коровка в красном блестящем платье с чёрными точками. Она не собиралась лакомиться сладким соком тлей, а хотела съесть их. Но муравьи храбро атаковали врага.

Платьице божьей коровки — настоящий панцирь, крепкий и скользкий, его нелегко прокусить, но муравьи нападали так яростно и так дружно, что божья коровка раскрыла крылышки и улетела... А муравьишки опять принялись за еду.

Между тем на небо набегали тучи, подул резкий ветер, и сильно похолодало.

Тли всё так же неподвижно сидели на дереве, а муравьи забеспокоились, засуетились и скоро потащили тлей вниз. Спустившись на землю, муравьи поспешно уносили их в муравейник.

Вскоре пошёл дождь.

На другой день было тепло и солнечно. Я опять пошла на лесную опушку. И что же? Муравьи снова выпустили на берёзу тлей.

Как заботливые хозяева, муравьи ухаживали за своим стадом и, как зорные пастухи, стерегли его.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ОГНИ

Когда мы с Намою вышли из дому, было пасмурно. Ветер гнал по небу лохматые тучи. Они опустились совсем низко и, казалось, цеплялись за вершины сосен и елей.

Мы прошли через густой ельник. В нём было особенно хмуро и темно. Вышли на большую поляну. По краям её старые берёзы почти до земли опустили тонкие ветви.

И тут нас застал дождь. И какой! Настоящий ливень... Нуда бежать? Может быть, берёзки защитят?

Нет, надо спешить под ёлки. Под ними не страшен и самый сильный дождь.

Обогнав меня, Нама, конечно, прибежала первой и заняла самый удобный уголок. Уселась, плотно прижавшись спиной к толстому стволу высокой ели. Но и я нашла себе местечко не хуже.

Дождевые струйки пели тонкими голосами, а деревья начались скрипели и шумели. Нама поглядывала на меня с нетерпением и тихонько повизгивала: ей хотелось домой. А у меня не было никакого желания выходить из сухого убежища.

Вот дождь кончился. Прошелестели по веткам последние капли, и стало совсем тихо. Но небо ещё сплошь закрывали тучи, и солнечные лучи никак не могли пробиться сквозь них. Наконец проскользнул один тоненький лучик и побежал к земле.

И вдруг осветился весь лес. Солнечные лучи торопливо зажигали на мокрых листьях, цветах и травах синие, красные, зелёные огоньки.

Ветер раскачивал ветви деревьев и шевелил травинки. Огоньки то гасли, то зажигались снова. А потом падали на землю и исчезали: огоньками были прозрачные капли воды.

ДОБРЫЕ ПОМОЩНИКИ

В этот же день, к вечеру, я пошла на речку за водой. Смотрю, а на сырой после дождя тропинке выросли мелкие, тёмные бугорки.

Это кто же так тропку испортил?

Я не сразу догадалась, что бугорки — это работа слепых подземных жителей, дождевых червей. Но зачем же червям понадобилось портить тропинку?

А они и не думали о ней. Они, дождевые черви,

завтракали или обедали, заглатывая землю. А то, что пришлось им не по вкусу, они выбросили прочь.

Дождевые черви приносят из глубины к поверхности таную землю, в которой много пищи для растений, да ещё и разрыхляют эту землю. Они добрые помощники человеку.

Поэтому некоторые огородники даже собирают дождевых червей и переносят на свои участки.

— Помогите-на, черви, нашему огороду, — говорят они.

ЖЕМЧУЖИНКИ НА ДЕРЕВЬЯХ

Несколько дней подряд я замечала, что по лесу летает много небольших белокрылых бабочек. А потом на стволах деревьев, совсем невысоко от земли, появились маленькие темно-серые лепёшечки.

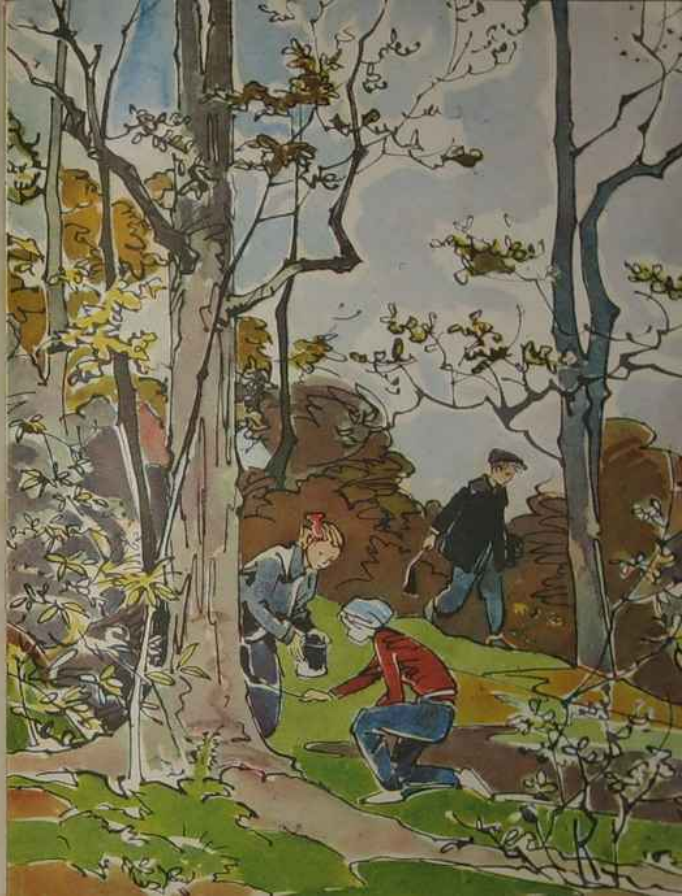
Потрогаешь пальцем такую лепёшку — она гладкая, шелковистая и как будто прилеена к коре дерева; ковырнёшь палочкой — одеяльце снимется, а под ним плотной кучкой лежат мелкие блестящие жемчужинки.

Жемчужинки — это лички. Их отложили те самые бабочки с белыми крыльями, которые летали по лесу. Их называют непарным шелкопрядом. Тёплыми шелковистыми волосками со своего брюшка бабочки надёжно укутали лички от холода и защитили от врагов. Это очень страшные жемчужинки. Перезимуют они на стволах деревьев, а весной, когда распустятся листья, из каждого личка выйдет гусеница. Очень много отложено в лесу яиц — значит, и гусениц будет очень много.

Едва вылупившись из личка, гусеницы начинают есть листья. Они могут съесть все листья на всех деревьях в лесу. Летом деревья будут стоять голыми, как зимой. Вот тебе и жемчужинки!

Нужно деревья спасать! А как это сделать?

Прошло несколько дней, и я услышала в лесу звонкие голоса. Все деревенские ребята собрались в лесу. И у каждого в руках — железная банка и палка, обмотанная на конце куском тряпки или ваты. А в банках что-то чёрное, жидкое. В них намешаны и дёготь, и керосин, и машинное масло. Ребята заботливо осматривают каждое дерево, каждый пенёк. Как увидят серую лепёшку, сейчас же обмазывают тряпкой в банку и смазуют хорошенько лички своим липким пахучим снадобьем. После такого угощения гусеницы уже не выведутся, и весной все деревья зазеленеют.

В КРИВЫХ БЕРЁЗКАХ

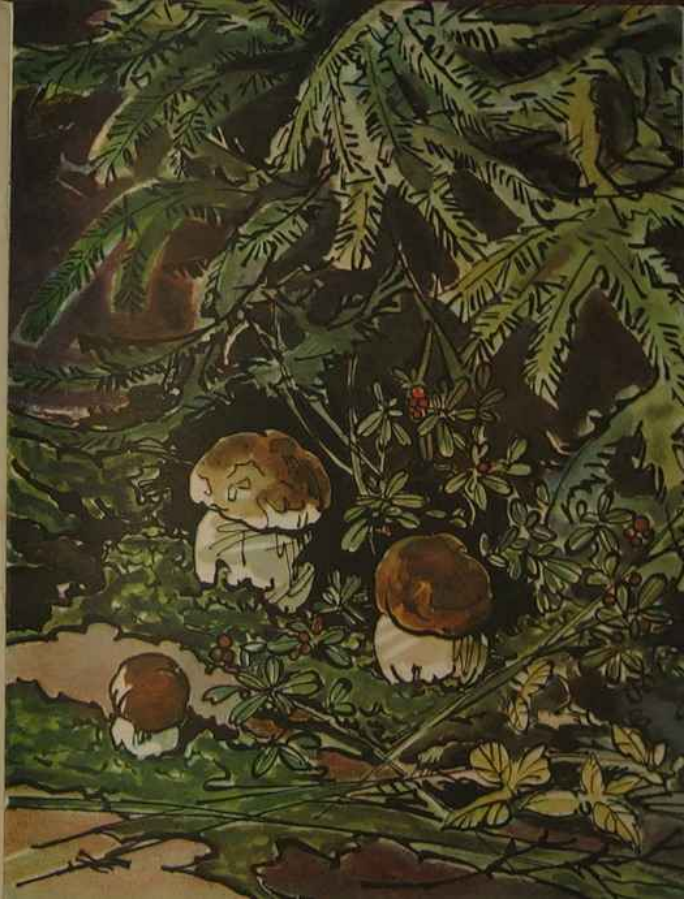
Был у нас с Намой один лес самый любимый. Почему-то он назывался Кривые Берёзки, хотя берёзы там были на редкость прямые, белоствольные и высокие. Этот лес был такой большой, что никто не знал, где он кончается. Уходили мы туда надолго, захватив с собой какую-нибудь еду.

В Кривых Берёзках росли не только берёзы. Всякие там были деревья. Тёмно-зелёные мохнатые ели с красивыми шишками на верхушках положили прямо на землю тяжёлые ветви. У сосен, наоборот, голые, чуть красноватые стволы уходили высоко вверх и где-то в вышине темнели широко раскинутые ветви. Росли там и липы, и всегда дрожащие осины. А на полянках росли дубы-крепыши.

Мы с Намой не мешали друг другу. Каждый занимался своим делом. Я собирала красивые листья, грибы и цветы, случалось, находила свернувшую на солнце ягоду костяники. Нама носилась кругами, иногда останавливалась, прислушивалась, искала носом какую-то новую воздушную струю и вновь убегала. При этом она не забывала толкнуть ведро с грибами или наступить мне на ногу.

Из грибов только сыроежкам было безразлично, где расти. Они встречались повсюду. Все остальные грибы имели постоянные места.

Если попадались один за другим бархатистые красные головные подоси́нники — значит, кругом осины... Возле одиноких берёз, на полянках, росли маленькие, почти чёрные подберёзовики на коротких ножках. Под старыми елями чуть виднелись из земли тёмные, всегда скользкие зеленушки и чернушки. Тут же встречались и волнушки — розовые, с мягкой, словно плюшевой, бахромой по краям шляпки.

А под молодыми елками жили оранжевые рыжики с бледно-зелеными кружками на шляпках. Как они вкусно и остро пахнут!

Белые грибы выбирали самые уютные и укромные уголки. Норастые и толстоногие грибы любили моховые подушки под елками. Из мха выглядывали только их коричневые шляпки. Во влажной траве березняка вырастали белые грибы величиной с тарелку. У них были тонкие, высокие ножки и зеленоватая губка по низу шляпки. Такие грибы я почти никогда не брала. А вот по полям давно не езженных лесных дорог попадались, пожалуй, самые лучшие белые грибочки. Их толстые ножки походили на яйцо, а беловатая шляпка — на маленькую шапочку.

Маслята, конечно, росли под соснами и всегда огромной семьей: от крохотных, как горошинки, до крупных, с ладонь. Жаль только, что большие маслята почти всегда были червивые...

Много хороших грибов в Нривых Берёзках! Но никогда не попадались мне грузди. Сосед приносил их полными корзинами, а мне, ну хоть бы один найти!

И вот однажды, когда ведро было доверху наполнено всевозможными грибами, в молодом березняке, смешанном с осинником, среди пожелтой травы мелькнула бледно-желтая шляпка. Сыроежка? Лисичка? Нет.

Я быстро нагнулась, раздвинула пряди травы. Сомнений быть не могло. Я нашла груздь. Он был небольшой, но и не маленький. Это был груздь самого лучшего размера, крепкий, на низенькой ножке, со светлой каплей воды в углублении шляпки. Тут же я нашла ещё два, поменьше, а потом ещё и ещё...

ЧУФИК

В этот день, как обычно, Нама убежала вперёд и теперь подзывала меня звонким, задорным лаем. Но на этот раз в нём просальзывали нотки обиды.

— Нама, ко мне!

Прибжав, она недовольно посмотрела на меня, вздохнула, наклонив голову набок, и коротко гавкнула:

„Пойдём!“

Нама привела меня к зарослям маленьких, по колено, ёлочек, сунула морду в кусты и обиженно взвизгнула.

Из-под ёлок донеслось:

„Чк-чк... чк-чк... чк-чк... — и затем: — Чуф-фф!“ — как будто выпустили пар.

Раздвинув колючие ветви, я увидела ежа. Он свернулся в клубок и выставил на нас все свои иголки.

Ежик вздрагивал и тархтел, как мотор на автомобиле:

„Чк-чк-чк... — а потом выпускал пар: — Чуф-фф!“

— Нама, возьмём ежика домой?

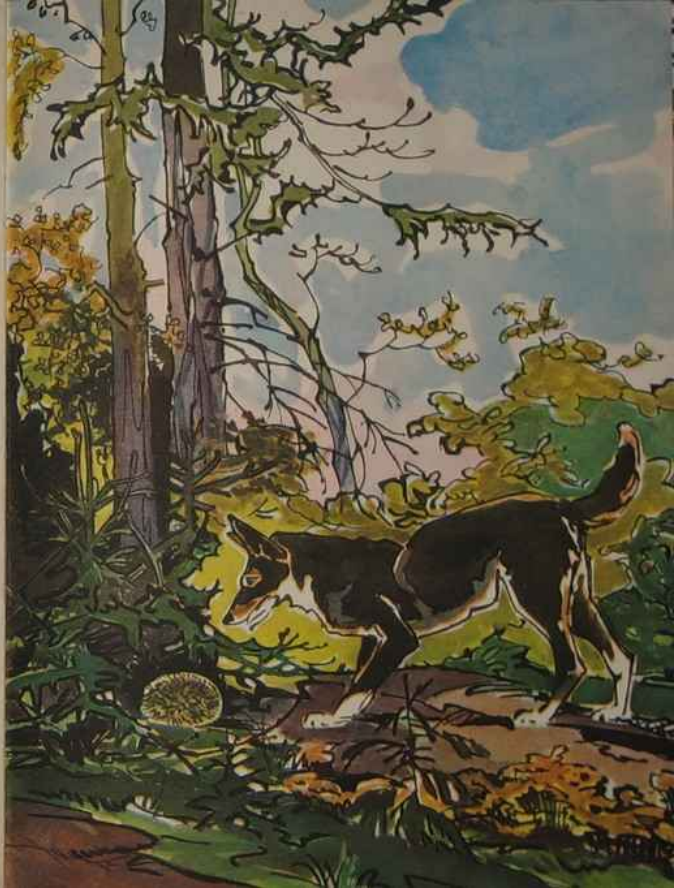
Сняв с головы косынку, я палочкой внятила на неё ежа. Нама подсунула мне голову под руку и ткнулась носом в колючки. Отдернув морду, обиженно почесала нос лапой и смотрела на меня с укоризной.

„Лучше бы его съесть, — казалось, говорила она. — Но как?“

— Ты же овчарка, как тебе не стыдно! Разве можно есть ежей? Мы возьмём его домой, и он будет ловить мышей, чего ты упорно не желаешь делать. Поняла?

Наставив уши, Нама слушала. Я приняла её поведение за согласие.

Завязав косынку, я принесла ежика домой.

ДОМА

Когда мы вернулись домой, Сенька, конечно, висел на краю коробки.

— Ты, разумеется, не приготовил нам обед? — спросила я. — А ну, посмотри, какого мы принесли ежа. Его зовут Чуф.

Сенька упал на спину и замер, закрыв глаза. На нас он не обратил никакого внимания. Притворяется, что заснул. Но кто же не знает, что черепахи не спят на спине!..

Я посадила Чуфика в ящик, поставила ему блюдечко с молоком, положила небольшой кусочек хлеба и кусочек мяса.

Мама поглядывала неодобрительно: всё это она могла бы съесть и сама.

Обидевшись, Мама ушла и улеглась в своём тесном уголке между диваном и печкой. Глубоко вздохнув, она положила голову на пол между вытянутыми передними лапами.

Нарие глаза неотступно следили за тем, как я устроивала Чуфику подстилку из сена, подкладывала вкусные кусочки.

„Чк-чк-чк-чк... Чуффф...”

Нолучий клубок не желал разворачиваться.

Я поставила ящик с Чуфином на пол возле своей кровати, прикрыла доской.

Ночью еж поднял страшный шум. Он гремел доской, сиребся, стучал блюдечком, из которого пролил молоно.

Не выдержав, Нама встала и, подойдя к ящину, рывнула басом.

„Чк-чк-чк-чуффф...” — пригрозил ёж и зарылся в сено.

— Выходи, если хочешь! — сказала я Чуфику и отодвинула доску.

Включив через несколько минут фонарик, я увидела над краем ящика остренький чёрный носик, блестящие глаза, маленькие лапки и торчащие дыбом нолучки.

Чуфик осматривал окрестности.

Наутро ящик был пуст.

— Где Чуфик? — спросила я у Нама, которая подошла пожелать мне доброго утра. — Ты не знаешь? А может быть, ты знаешь, — как можно ласковее продолжала я, — кто съел у Чуфина мясо и хлеб?

Нама уложила уши назад и облизнулась, пошевелив хвостом.

Я поняла, что мой вопрос неуместен.

Чуфик нашёлся под вешалкой.

Весь день ёжин спал, плотно втиснувшись между какими-то вещами, а ночью опять топотал по комнате быстрой рысцой.

Иногда Нама поднималась и, потягиваясь, подходила понюхать его.

Чуфик включал мотор:

"Чи-чи-чи-чуф-фф..."

Смущённая, Нама уходила на место. На всякий случай она перебралась поближе ко мне, под кровать.

Чуфик привык получать еду по вечерам, а Нама, должно быть, по молчаливому соглашению между ними, утром доедала остатки.

Постепенно они привыкли друг к другу, а Сенька в их дела не вмешивался.

В конце лета я отнесла Чуфина в лес.

Нама и Сенька поедут со мной в Москву.

Для дошкольного возраста

Ганейзор Галина Евгеньевна
НЕДАЛЕКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Ответственный редактор Н. А. Торокван. Консультант по художественному оформлению
П. И. Суворов. Технический редактор Э. В. Тихонова. Редактор П. И. Гусева и
В. В. Самородникова.

Подписано в печать 14/III 1967. Формат 60х90. Араб. и латин. шрифт. Тираж 300 000 экз.
УП 160 № 10.

Детизм Москва, М. Чернышевский, стр. 1.

Гос. фабрика цветной печати УПД Ленинградская. Ленинград. Промышленность. Д. Завод № 160.